ВОСПОМИНАНІЕ
высокопреосвященномъ митрополитѣ Московскомъ Макаріи.

Вознесохъ избраннаго отъ людей моихъ.

Московскій митрополитъ Макарій, нашихъ временъ (по петербургской духовной академіи) знаменитый ректоръ-епископъ, 9 іюня 1882 года скончался на 66 году отъ рожденія. 24 іюня я и семья моя молились объ упокоеніи души его за панихидой, которую, по просьбѣ моей, совершалъ о. протоіерей И. И. Сементовскій послѣ литургіи въ соборѣ (жительство имѣю въ г. Троицкѣ).

Извѣстіе о кончинѣ высокопреосвященнаго Макарія тяжелымъ камнемъ легло на моемъ сердцѣ. Драгоцѣнная жизнь пресѣклась — и такъ неожиданно, когда въ Бозѣ почившій архипастырь въ обиліи силъ тѣлесныхъ и духовныхъ ревностно, неустанно трудился для святой церкви и для науки, обогащенной его многочисленными твореніями, пріобрѣтшими ему европейскую извѣстность. Невыразимо жаль этого приснопамятнаго іерарха — красы и славы нашего отечества!!...

Академія наукъ положила учредить премію за жизнеописаніе митрополита Макарія. Жаждемъ скорѣйшаго выхода въ свѣтъ предположеннаго изданія, съ нетерпѣніемъ ожидаемаго почитателями, высокопреосвященнаго Макарія, а кто его не зналъ, кто его не любитъ, кто не уважалъ? Пусть предстанетъ предъ нами во всей полнотѣ и величіи нравственный образъ великаго первосвятителя, поучительный и для отдаленнаго потомства.

Имѣю счастіе принадлежать къ числу людей, лично знавших высокопреосвященнаго Макарія. 17 августа 1855 года, въ 9 часов утра, 54 молодыхъ человѣка, собравшихся изъ разныхъ мѣстъ Россіи (Петербурга, Новгорода, Вильны, Твери, Петрозаводска, Архангельска Могилева, Полоцка, Смоленска, Пскова, Полтавы, Харькова, Курска Каменецъ-Подольска, Орла, Рязани, Калуги, Владиміра, Ярославля, Нижняго-Новгорода, Саратова, Тамбова, Пензы, Вятки) въ сѣверную столицу для поступленія въ духовную академію, были позваны въ квартиру начальника этого высшаго учебнаго заведенія. Молодой, цвѣтущій здоровьемъ, ректоръ епископъ Макарій, высокаго роста, съ Аннинской звѣздой на рясѣ, имѣвшій открытую одушевленную физіономію и изящныя манеры, благословилъ всѣхъ насъ порознь, съ каждымъ ласково поговорилъ, пожелалъ всѣмъ хорошихъ отвѣтовъ на предстоявшихъ намъ экзаменахъ, и, осѣнивъ насъ общимъ архіерейскимъ благословеніемъ, простился, сказавъ: «черезъ нѣсколько минутъ опять увидимся». Благолѣпной, внушительной наружности преосвященнаго ректора Макарія соотвѣтствовали и высокія качества его прекрасной души.

Въ громадномъ залѣ академіи, въ два свѣта, съ двумя хорами, паркетнымъ поломъ, залѣ, украшенномъ дорогою иконой, превосходно отдѣланными портретами русскихъ Императоровъ Николая I и Александра II, въ ростъ, на упирающихся въ полъ пьедесталахъ, роскошною высокою съ золотыми кистями каѳедрой, обитою бархатомъ, повѣшанными въ простѣнкахъ оконъ большими портретами петербургскихъ митрополитовъ въ золоченыхъ рамахъ, въ такомъ залѣ были приготовлены мѣста для экзаменаторовъ. Мы сѣли за парты, расположенныя рядами, одинъ выше другаго, и обыкновенно стоявшія въ залѣ потому, что въ этомъ мѣстѣ студенты младшаго и старшаго курсовъ соединенно слушали лекціи по священному писанію и ученію о расколѣ. По догматическому богословію производилъ испытанія одинъ преосвященный ректоръ Макарій, возсѣдавшій въ креслѣ за главнымъ столомъ среди зала. Направо отъ этого стола, за другимъ столомъ засѣдала комиссія, производившая экзаменъ по сравнительному богословію и состоявшая изъ инспектора академіи, ординарнаго профессора архимандрита *Кирилла* (впослѣдствіи епископъ мелитопольскій въ 60-тыхъ годахъ скончавшійся въ Казани) и экстраординарнаго профессора, соборнаго іеромонаха *Никанора* (нынѣ епископъ Уфимскій и Мензелинскій). Налѣво отъ главнаго стола, былъ поставленъ столъ для производившаго экзаменъ по каноническому праву баккалавра, архимандрита *Ѳеофана* (впослѣдствіи ректоръ академіи, преемникъ Макарія, затѣмъ

епископъ тамбовскій, потомъ владимірскій, нынѣ живущій на покоѣ). На испытаніяхъ требовалась суть дѣла съ его главными основаніями. Испытанія, какъ словесныя, такъ и письменныя, во всѣ дни экзаменовъ для насъ шли благополучно. Только въ первый день, 17 августа, одинъ изъ моихъ товарищей, что называется, сталъ путаться въ отвѣтахъ по догматическому богословію, причина чего заключалась, очевидно, не въ незнаніи студента, а во внѣшнихъ случайныхъ обстоятельствахъ, которыя очень понятны, если принять во вниманіе то, откуда и куда мы собрались. Преосвященный Макарій съ свойственной ему проницательностью вошелъ въ положеніе молодаго человѣка и вывелъ его изъ затрудненія. «Вы не то ли хотѣли сказать», говорилъ экзаменаторъ епископъ, влагая зерно отвѣта въ уста растерявшагося юноши и устремляя на него ласковый, ободряющій взглядъ. Тотъ, не чаявшій спасенія, ухватился за поданную ему мысль, какъ утопающій за нѣкую опору. Послѣдовало одобреніе со стороны преосвященнаго: «такъ, такъ; вы развейте это положеніе и обставьте его доказательствами» и проч. и проч. Чуть не потерпѣвшій фіаско испытуемый собралъ силы духа, сообразилъ что нужно, однимъ словомъ, поправился и далъ отвѣтъ удовлетворительный. Молодежь отзывчива и воспріимчива: мы сразу полюбили преосвященнаго ректора Макарія, какъ добрѣйшаго, участливаго человѣка. Съ нашей точки зрѣнія, онъ спасъ погибавшаго.

27 августа намъ было объявлено о результатахъ произведенныхъ намъ испытаній. Въ нашъ курсъ всѣ были приняты въ академію. Въ числѣ новыхъ моихъ товарищей находились два священника, которые, подобно прочимъ студентамъ священникамъ или монахамъ, помѣстились отдѣльно отъ свѣтскихъ студентовъ въ такъ называемыхъ «монашескихъ» комнатахъ.

Въ наше время не было экстерновъ, всѣ студенты жили въ академіи и пользовались казеннымъ содержаніемъ; не было и спеціальныхъ отдѣленій на курсахъ академіи, а для всѣхъ студентовъ существовалъ одинъ общій академическій курсъ безъ всякихъ подраздѣленій. Нынѣ предполагается преобразовать духовныя академіи въ духѣ прежняго времени, установить въ нихъ прежнюю систему учебнаго дѣла и, этою мѣрою, возвысивъ общій уровень духовно-академическаго образованія, привести ихъ въ то цвѣтущее положеніе, при которомъ онѣ, въ былыя времена, давали государству и церкви, въ значительномъ числѣ высокообразованныхъ людей. Кстати сказать, наши академіи, будучи высшими богословскими школами, въ то же время заключаютъ въ себѣ сильный общеобразовательный элементъ, который далеко выводитъ ихъ

за предѣлы спеціальныхъ и профессіональныхъ школъ и разсчитанъ на то, чтобы среднее образованіе ихъ студентовъ пополнить элементами высшаго университетскаго образованія. 1 сентября 1855 года мы начали слушать лекціи и привыкать къ порядкамъ академіи. Порядки эти, при преосвященномъ ректорѣ Макаріи, неизмѣнно соблюдались въ слѣдующемъ видѣ.

Утромъ въ 6 часовъ звонокъ, въ семь часовъ молитва въ церкви, затѣмъ чай въ столовой, далѣе обязательныя занятія студентовъ, съ девяти до двухъ часовъ по полудни слушаніе лекцій, засимъ обѣдъ, послѣ обѣда прогулка въ саду (*), въ пять часовъ вечерній чай, съ шести до девяти часовъ вечера обязательныя занятія студентовъ, въ девять часовъ ужинъ, заразъ послѣ ужина вечерняя молитва въ церкви же, затѣмъ, послѣ получасоваго отдыха, состоявшаго въ свободной товарищеской бесѣдѣ, желавшіе занимались. Въ одинадцать часовъ всѣ отходили ко сну. Ночью засиживаться ни въ какомъ случаѣ не позволялось. «Баринъ, сейчасъ потушу свѣчу», говорилъ, бывало, вахтеръ, точный исполнитель воли начальства, обыкновенно запиравшій въ это время студенческія комнаты. Студентъ прекращалъ работу и уходилъ въ спальни. И такъ изо дня въ день. Жизнь студентовъ текла правильно: всѣ до одного являлись на молитву, всѣ до одного бывали на лекціяхъ.

Передъ нами былъ и высокій образецъ въ лицѣ начальника заведенія. Жизнь преосвященнаго ректора Макарія была строго дисциплинирована и вполнѣ согласовалась съ строемъ жизни академіи, которою онъ руководилъ. Одновременно съ студентами онъ вставалъ и отходилъ ко сну, наполняя свои утро, день и вечеръ занятіями, свойственными положенію его, какъ администратора, профессора и ученаго. Между прочимъ, онъ писалъ «исторію русской церкви». До перемѣщенія на тамбовскую архіерейскую каѳедру, что совершилось при насъ же, преосвященный Макарій успѣлъ издать три тома этого, впослѣдствіи колоссальнаго, труда своего, разросшагося до одинадцати томовъ и все-таки не оконченнаго за преждевременною кончиной этого даровитѣйшаго изслѣдователя судебъ отечественной церкви.

Студенты неопустительно посѣщали богослуженіе. За клиросами былъ разостланъ во всю ширину церкви большой коверъ, на которомъ во время богослуженія стояли студенты: направо старшіе, налѣво млад-

*) Такого большаго и хорошо устроеннаго сада, какъ нашъ академическій, не было ни при одномъ учебномъ заведеніи сѣверной столицы.

шіе; между воспитанниками, на томъ же коврѣ, среди храма, противъ царскихъ вратъ, стояла архіерейская каѳедра съ сѣдалищемъ епископа, украшеннымъ бархатною подушкой съ четырьмя золотыми кистями. Мѣсто за этою каѳедрой и рядами студентовъ было назначено для приходившихъ въ нашъ храмъ изъ города. Въ наше время составъ начальствующихъ, учащихъ и учащихся отличался обиліемъ чиновъ церковной іерархіи. Кромѣ начальника академіи—епископа, въ ней были архимандриты, игуменъ (сербъ, присланный сюда сербскимъ митрополитомъ для слушанія высшаго курса богословія, въ надеждѣ епископства на родинѣ), соборные іеромонахи, священники, архидіаконы (греки, одинъ баккалавръ греческаго языка Григорій *Веглерисъ*, другой студентъ Александръ *Ласкарисъ*, проповѣдникъ (ἱεςοκῆςυξ) константинопольской церкви, по распоряженію константинопольскаго патріарха, прибывшій въ Россію съ тою же цѣлью, съ какою пріѣхалъ въ нее и упомянутый сербъ), іеродіаконы. При сонмѣ священнослужителей, въ академической церкви литургія въ воскресные и праздничные дни совершалась всегда соборнѣ, всенощныя наканунѣ двунадесятыхъ и другихъ, особенно чтимыхъ православнымъ народомъ, праздниковъ блистали пышностью и торжественностью церковнаго обряда. Пѣли студенты на обоихъ клиросахъ, на правомъ—и партесно. Въ студенческой средѣ были прекрасные голоса, были и отличные чтецы, которыхъ едва-ли могли превзойти и прославленные чтецы лавры.

Во время великаго поста мы говѣли два раза: на первой недѣлѣ и на страстной. Въ субботу первой недѣли этого поста преосвященный Макарій служилъ въ академической церкви и самъ причащалъ студентовъ. Въ великій четвергъ онъ не могъ дѣлать этого потому, что въ этотъ день, какъ въ другіе высокоторжественные праздники, былъ приглашаемъ къ совмѣстному служенію съ митрополитомъ въ одинъ изъ соборовъ столицы. Въ храмовой академическій праздникъ, 30 іюня, въ день 12 апостоловъ, преосвященный Макарій всегда служилъ. И съ какимъ глубокимъ проникновеніемъ силою божественнаго тайнодѣйствія всегда совершалъ онъ богослуженіе!.. Чинными, благолѣпными службами церковными питалось и поддерживалось въ юношахъ благочестивое настроеніе. Духъ молитвенный не чуждъ былъ студенческой среды. Въ каждой изъ нашихъ спальныхъ комнатъ, въ 10 часовъ вечера, зажигалась передъ иконой лампада, которая мерцала во всю ночь. Нѣкоторые изъ студентовъ любили, когда всѣ заснутъ, помолиться колѣнопреклоненно, какъ бы по примѣру псалмопѣвца: полꙋнощи востáхъ исповѣдатисѧ сꙋдьбáмъ прáвды Твоеѧ. Таковъ именно былъ одинъ изъ моихъ

товарищей, сынъ калужскаго каѳедральнаго протоіерея, Николай Лазаревичъ *Зайцевъ*, авторъ сочиненія: «очерки быта древнихъ евреевъ» (скончался въ званіи профессора кіевской академіи).

Карьера Макарія въ духовно-учебномъ мірѣ совершена съ такою быстротою, съ какою можно сравнить только взлетъ орла съ земли до высотъ. Макарій, въ мірѣ *Михаилъ* Петровичъ *Булаковъ*, сынъ священника Курской губерніи, въ 1841 году окончилъ курсъ наукъ въ кіевской академіи, гдѣ былъ оставленъ баккалавромъ русской церковной исторіи, затѣмъ перемѣщенъ въ петербургскую духовную академію, въ которой служилъ съ 1842 г. по 1857 годъ. Въ теченіе этого періода времени ученый Макарій прошелъ всѣ степени церковно-служебной іерархіи, былъ послѣдовательно іеромонахомъ, архимандритомъ (въ 1844 г.), наконецъ епископомъ (въ 1851 г.), помощникомъ инспектора, инспекторомъ (въ 1844 г.), наконецъ ректоромъ (въ 1850 г.), баккалавромъ, экстраординарнымъ (въ 1843 г.), наконецъ ординарнымъ профессоромъ богословскихъ наукъ (въ 1844 г.), магистромъ (въ 1845 г.), наконецъ докторомъ богословія (въ 1847 году). Преосвященный Макарій такъ любилъ профессорское званіе, что не оставилъ его въ академіи и по принятіи сана архіерейскаго. Профессоръ — епископъ имѣлъ въ недѣлю двѣ лекціи по догматическому богословію, каждый разъ аккуратно приходилъ въ аудиторію, и, осѣнивъ студентовъ архіерейскимъ благословеніемъ (причемъ студенты пѣли ему: εἰς πολλὰ ἔτη, Δέσποτα), по снятіи клобука, ходя по классу, говорилъ до звонка. Рѣчь его, проникнутая силою убѣжденія, лилась обильнымъ потокомъ и производила на слушателей глубокое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что лекціи преосвященнаго Макарія всегда имѣли характеръ живой, увлекательной бесѣды, не нуждавшейся ни въ какихъ тетрадяхъ или запискахъ. Такъ, т. е. экспромтомъ, всегда онъ говорилъ и проповѣди, причемъ, конечно, имъ предварительно былъ строго обдуманъ планъ и вполнѣ изучена тема. Простота и изящество въ словѣ, свобода и одушевленіе въ произношеніи были свойственны преосвященному Макарію и на церковной и на профессорской каѳедрахъ. Лекціями его восхищались еще въ Кіевѣ. «Послушайте молодаго монаха Макарія, какъ хорошо, съ какимъ энтузіазмомъ импровизируетъ онъ свои уроки изъ исторіи русской церкви. Послушайте, говорю, его всѣ слушаютъ», замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ *В. И. Аскоченскій*, современникъ Макарія по кіевской академіи, бывшій при немъ и нѣсколько лѣтъ послѣ него баккалавромъ патрологіи, хорошо знавшій составъ тогдашнихъ академическихъ преподавателей и умѣвшій цѣнить каждаго изъ нихъ по достоинству («Историческій Вѣстникъ», февраль 1882 года).

Преосвященный Макарій и у инославныхъ богослововъ, наприм., англійскихъ, признается *лучшимъ истолкователемъ* труднѣйшей науки нашего времени, какова догматика. Догматическое богословіе Макарія переведено на французскій языкъ покойнымъ протоіереемъ *Васильевымъ*. Преосвященный Макарій, въ бытность свою архіепископомъ харьковскимъ и ахтырскимъ, пожертвовалъ собранный имъ отъ изданія ученыхъ его сочиненій капиталъ въ сто двадцать тысячъ руб. для выдачи изъ процентовъ съ онаго, послѣ его смерти, премій его имени за достойныя оныхъ русскія сочиненія, по богословскимъ и свѣтскимъ наукамъ, съ тѣмъ, чтобы въ одинъ годъ всѣ проценты отпускаемы были въ распоряженіе Святѣйшаго Синода для раздачи премій за сочиненія перваго рода, а въ другой годъ поступали въ распоряженіе Императорской академіи наукъ для раздачи премій за сочиненія послѣдняго рода, и чтобы такая очередь соблюдалась всегда и неизмѣнно

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Народн. Просвѣщенія и Оберъ-Прокурора Св. Синода о вышеизложенномъ, въ 3 день апрѣля 1867 года Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенныхъ премій архіепископа Макарія, а въ 8-й день мая изволилъ утвердить главныя положенія для присужденія означенныхъ премій за лучшія сочиненія по наукамъ свѣтскимъ.

Въ наше время академическая библіотека обогатилась даровымъ пріобрѣтеніемъ многочисленныхъ древнихъ рукописей, которыя просто, говорятъ, валялись въ главѣ Софійскаго собора въ Новгородѣ и которыя, по распоряженію новгородскаго и петербургскаго митрополита Никанора, вслѣдствіе ходатайства преосвященнаго Макарія, изъ Новгорода были перевезены къ намъ въ академію.

Преосвященный Макарій, какъ редакторъ доселѣ издаваемаго при петербургской духовной академіи «Христіанскаго Чтенія», дорожилъ репутаціей этого журнала и старался придать ему характеръ общеполезнаго изданія привлеченіемъ къ совмѣстному участію въ немъ академическаго персонала. Профессора и баккалавры дѣлились съ публикой тѣмъ матеріаломъ, который они обычно дѣлали достояніемъ своихъ слушателей. Черезъ это достигалась польза отъ лекцій вдвойнѣ. Свѣтъ науки былъ доступенъ не однимъ посѣтителямъ академическихъ аудиторій, а помогалъ болѣе быстрому движенію впередъ и той части общества, которая или давно оставила стѣны академіи, или совсѣмъ туда не заглядывала. Какъ тѣмъ, такъ и другимъ много помогали такія популяризаціи нѣкоторыхъ частей богословско-исторической науки.

Статьи преосвященнаго Макарія по изяществу отдѣлки, какъ перлы, блещутъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» того времени. Читая другія сочиненія, рѣдко испытываешь такую легкость и удобство пониманія, какая чувствуется при чтеніи трудовъ преосвященнаго Макарія. Виною этому служатъ стройность и порядокъ, которые составляютъ отличительную особенность работъ этого знаменитаго писателя.

Времена преосвященнаго Макарія были временами многосторонней, кипучей дѣятельности академіи. Все жило одною общею интеллектуальною жизнію и учащіе и учащіеся занимались своимъ дѣломъ, каждый по мѣрѣ силъ и способностей. Хорошее то было время, проходившее въ сладостнѣйшихъ для духа занятіяхъ науками.

Преосвященный Макарій иногда посѣщалъ наши вечернія занятія. Мы всегда рады были видѣть нашего ректора: его умъ и гуманность плѣняли молодежь. Въ учебное время, разъ въ мѣсяцъ, въ воскресный или праздничный день послѣ литургіи въ академической церкви преосвященный Макарій, въ сопровожденіи инспектора академіи архимандрита *Кирилла*, помощниковъ инспектора, экстраординарныхъ профессоровъ: соборнаго іеромонаха *Никанора*, Иларіона Алексѣевича *Чистовича* (нынѣ тайный совѣтникъ, вице-директоръ канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода, докторъ философіи) и эконома баккалавра Ивана Васильевича *Челъцова* (скончался въ званіи ординарнаго профессора академіи и въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника), обозрѣвалъ студенческую половину академіи — наши жилыя комнаты и спальни, затѣмъ сходилъ въ столовую, гдѣ, послѣ молитвы, пропѣтой студентами, передъ началомъ обѣда, у пробнаго стола, Его Преосвященство возглашалъ: «Христе Боже, благослови ястіе и питіе рабомъ твоимъ»... На пробномъ столѣ всегда во время нашего обѣда ставились кушанья студенческаго стола въ извѣстный день. На каждую недѣлю составлялось старшинами-студентами новое росписаніе кушаньевъ, которое утверждалось подписомъ преосвященнаго ректора и потомъ вывѣшивалось въ столовой. Пища приготовлялась отдѣльно для обѣда и отдѣльно для ужина и, отличаясь разнообразіемъ, постоянно была вполнѣ удовлетворительна. Академическая жизнь наша находилась въ самыхъ лучшихъ гигіеническихъ условіяхъ, отчего и усиленныя занятія науками не могли истощить физическихъ силъ даже некрѣпкихъ здоровьемъ студентовъ. Питомцы петербургской духовной академіи, конечно, съ признательностью вспоминаютъ о попечительности преосвященнаго Макарія.

Въ воскресные и праздничные дни позволялось студентамъ выходить въ городъ къ знакомымъ или просто для прогулки до восьми часовъ

вечера, причемъ каждый изъ насъ предварительно долженъ былъ записаться въ книгу и получить отъ дежурнаго билетъ, въ которомъ прописывалось, къ кому такой-то намѣренъ былъ отправиться. Передъ ужиномъ, въ половинѣ девятаго, всѣ ходившіе въ городъ студенты по звонку являлись къ инспектору и каждый лично подавалъ его высокопреподобію свой билетъ. Въ девять часовъ другой звонокъ. Студенты строились въ корридорѣ и отсюда шли по двое въ рядъ въ столовую, гдѣ уже находился очередной инспекторскій помощникъ который, послѣ того, какъ студенты займутъ каждый свое мѣсто, звонилъ, тотчасъ за этимъ пѣлась молитва, потомъ слѣдовалъ ужинъ. По окончаніи ужина, опять звонокъ и опять молитва. Помощникъ инспектора впродолженіи ужина ходилъ по столовой, наблюдая за исправностью прислуги, которая, по звонку его, обязана была убирать оконченное блюдо и подавать другое. Такой порядокъ въ столовой за обѣдомъ и ужиномъ соблюдался въ другіе дни всегда неизмѣнно.

Наше время отличалось строгостью правилъ студенческаго быта. Но мы не чувствовали этой строгости и не тяготились ею. Вся эта регламентація, подъ разумнымъ управленіемъ и при педагогическомъ тактѣ преосвященнаго Макарія еще въ бытность его инспекторомъ,— тактѣ основанномъ на глубокомъ знаніи свойствъ души человѣческой, вошла въ нравы и обычаи студентовъ, составляя духъ заведенія, который традиціонно переходилъ отъ одного курса къ другому и которымъ, какъ потокомъ, увлекался всякій новичекъ даже изъ не привыкшихъ къ требованіямъ общежитія. Студенты обыкновенно говорили: «у насъ это не принято», напр., составлять компаніи, или кутить, выходить изъ академіи въ непозволенное время.

На каникулы остававшіеся въ академіи студенты освобождались отъ надзора инспекціи. Но и въ это время они не позволяли себѣ ничего лишняго, даже покурить всегда ходили внизъ, въ такъ называемыя *катакомбы*—и опять-таки потому, что *не было принято*—курить ни въ жилыхъ комнатахъ, ни въ спальняхъ, ни въ столовой. Порядокъ—эта душа всякаго дѣла—былъ девизомъ академіи нашего времени. Въ этомъ заключается величайшая заслуга преосвященнаго Макарія, которая ставитъ его на высоту, какъ образецъ, достойный подражанія. Я лично благословляю судьбу, которая доставила мнѣ образованіе въ петербургской академіи отчасти во времена Макарія.

Преосвященный Макарій слѣдилъ за духомъ и характеромъ преподаванія въ академіи, по временамъ посѣщая лекціи профессоровъ и баккалавровъ и употребляя къ тому еще слѣдующій способъ: въ учеб-

ное время, каждый день послѣ ужина, два студента, одинъ—старшаго, другой—младшаго курса, являлись съ классными журналами къ преосвященному ректору и отдавали ему подробный отчетъ во всемъ слышанномъ ими на лекціяхъ въ тотъ день. Такимъ образомъ направленіе духовной и свѣтской науки въ академіи всегда было хорошо извѣстно преосвященному Макарію,—и если между каѳедрами слышался диссонансъ, какъ это разъ случилось съ исторіей философіи и психологіей, высокообразованный ректоръ не оставлялъ этого безъ вниманія, приходилъ самъ слушать такого рода лекціи, въ видахъ установленія стройнаго теченія науки, по поводу нѣкоторыхъ тенденцій, по видимому, несогласныхъ съ общепринятыми принципами. Однажды пришлось намъ быть свидѣтелями диспута, происходившаго на лекціи между ректоромъ и профессоромъ, и удивляться глубокому уму преосвященнаго Макарія, хорошо знакомаго съ свѣтскими науками, умѣвшаго тонкимъ анализированіемъ мыслей доводить слушателя до правильности воззрѣній и осязательнаго пониманія предмета.

Въ 1857 году въ апрѣлѣ состоялось, по докладу св. Синода, Высочайшее повелѣніе о перемѣщеніи ректора петербургской духовной академіи Макарія, епископа винницкаго, на самостоятельную архіерейскую каѳедру въ г. Тамбовъ, а 12 мая преосвященный Макарій совершилъ послѣднюю литургію въ академической церкви. По окончаніи богослуженія, онъ вышелъ изъ алтаря и въ мантіи, съ посохомъ въ рукѣ, произнесъ слѣдующую рѣчь: «въ послѣдній разъ, возлюбленные братія, я совершилъ въ семъ храмѣ богослуженіе и помолился вмѣстѣ съ вами,—въ послѣдній разъ послѣ пятнадцати лѣтъ, которыя я провелъ здѣсь сначала въ ряду дѣятелей, а потомъ ставши и во главѣ всѣхъ ихъ. Пришла нора сказать передъ вами и послѣднее слово. Но душа моя въ настоящія минуты такъ полна самыми разнообразными чувствованіями, что я не знаю, съ чего начать и какъ повести мою бесѣду». Обратившись къ иконѣ, преосвященный продолжалъ: «первое мое чувствованіе да вознесется къ Тебѣ о Боже мой! правитель судебъ человѣческихъ»,—«чувствованіе живѣйшей, глубочайшей, безпредѣльной благодарности за все то добро, какимъ я пользовался здѣсь» (перечисляются ниспосланныя на него милости Божіи). Послѣ словъ, сказанныхъ учащимъ и учащимся, преосвященный дѣлаетъ обращеніе къ заведенію вообще: «тихій пріютъ духовнаго просвѣщенія, гдѣ протекла лучшая пора моей жизни и гдѣ все сдѣлалось для меня такъ близкимъ и родственнымъ! Могу ли я когда забыть тебя? О, забвенна буди десница моя, если я забуду тебя въ молитвахъ предъ престоломъ Все-

вышняго, да процвѣтаешь ты болѣе и болѣе въ ряду высшихъ разсадниковъ духовнаго просвѣщенія и проч.

15-е мая было днемъ отъѣзда преосвященнаго Макарія. Онъ еще разъ пожелалъ видѣть студентовъ. Мы собрались въ академическій залъ и, по входѣ его сюда, пропѣли: «Спаси, Господи, люди Твоя». Преосвященный обратился къ студентамъ съ слѣдующими словами: «что я имѣлъ сказать Вамъ, господа, въ послѣдній разъ, то уже сказано мною за богослуженіемъ въ церкви, теперь же, окончательно прощаясь съ вами, еще и еще призываю на васъ благословеніе Божіе», затѣмъ сталъ благословлять студентовъ, лобызая ихъ въ уста. Въ это время мы непрерывно пѣли: (εἰς πολλὰ ἔτη, Δέσποτα и τὸν σεσπότην.) Благословивъ каждаго студента порознь, преосвященный Макарій благословилъ всѣхъ насъ вмѣстѣ обѣими руками; тѣмъ же благословеніемъ онъ благословилъ насъ на срединѣ зала, обратившись къ намъ и сказавъ: «еще разъ прощайте;» тѣмъ же благословеніемъ онъ благословилъ насъ передъ самымъ выходомъ изъ зала, опять обратившись къ намъ и опять сказавъ: «еще разъ»!..... Слезы канули изъ глазъ студентовъ. Мы спустились внизъ, гдѣ собрались всѣ профессора и баккалавры и другіе почитатели преосвященнаго Макарія, и вышли на академическій дворъ; здѣсь уже изъ кареты преосвященный Макарій послалъ намъ послѣднее благословеніе и скрылся отъ очей нашихъ. Мы разлучились съ нашимъ высокопочитаемымъ преосвященнымъ ректоромъ,—разлучились тѣломъ, но не духомъ. Насъ интересовала всякая новая вѣсть о тамбовскомъ епископѣ Макаріи: какъ онъ былъ принятъ своею паствой и вообще какъ живется ему на новомъ мѣстѣ. Помнится—читали мы въ газетахъ: преосвященный Макарій въ крестномъ ходу, въ преднесеніи хоругвей изъ всѣхъ церквей г. Тамбова, въ день св. Троицы, совершалъ первое шествіе въ каѳедральный соборъ для служенія литургіи, передъ окончаніемъ которой сказалъ поученіе Богомъ данной ему паствѣ. «Народъ жаждалъ насмотрѣться на его кроткія черты». Буквально помню эти слова газеты. И потомъ мы радовались его радостію, сочувствовали его повышеніямъ и отличіямъ по службѣ, возведенію его въ санъ архіепископа сначала харьковскаго, потомъ литовскаго, наконецъ мы ликовали, когда онъ 8 апрѣля 1879 года Высочайшею волей былъ назначенъ на высокій постъ митрополита московскаго. Теперь тѣ радостныя чувства смѣнились для почитателей высокопреосвященнаго Макарія глубокою скорбію о его преждевременной кончинѣ. Теперь на насъ лежитъ долгъ, который выразимъ словами Апостола: *поминайте наставникы ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихъ же взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ.* (Евр. XIII, 7).

Вспоминаю о петербургской академіи—моей alma mater съ сердечной признательностью высшему духовному начальству, черезъ гуманнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей позаботившемуся о нашей юности въ высшемъ разсадникѣ просвѣщенія.

Кандидатъ XXV курса петербургской духовной академіи (нынѣ инспекторъ народныхъ училищъ Оренбургской губерніи; статскій совѣтникъ) *Гавріилъ Рыбаковъ*.

Г. Троицкъ 8 декабря 1882 года.